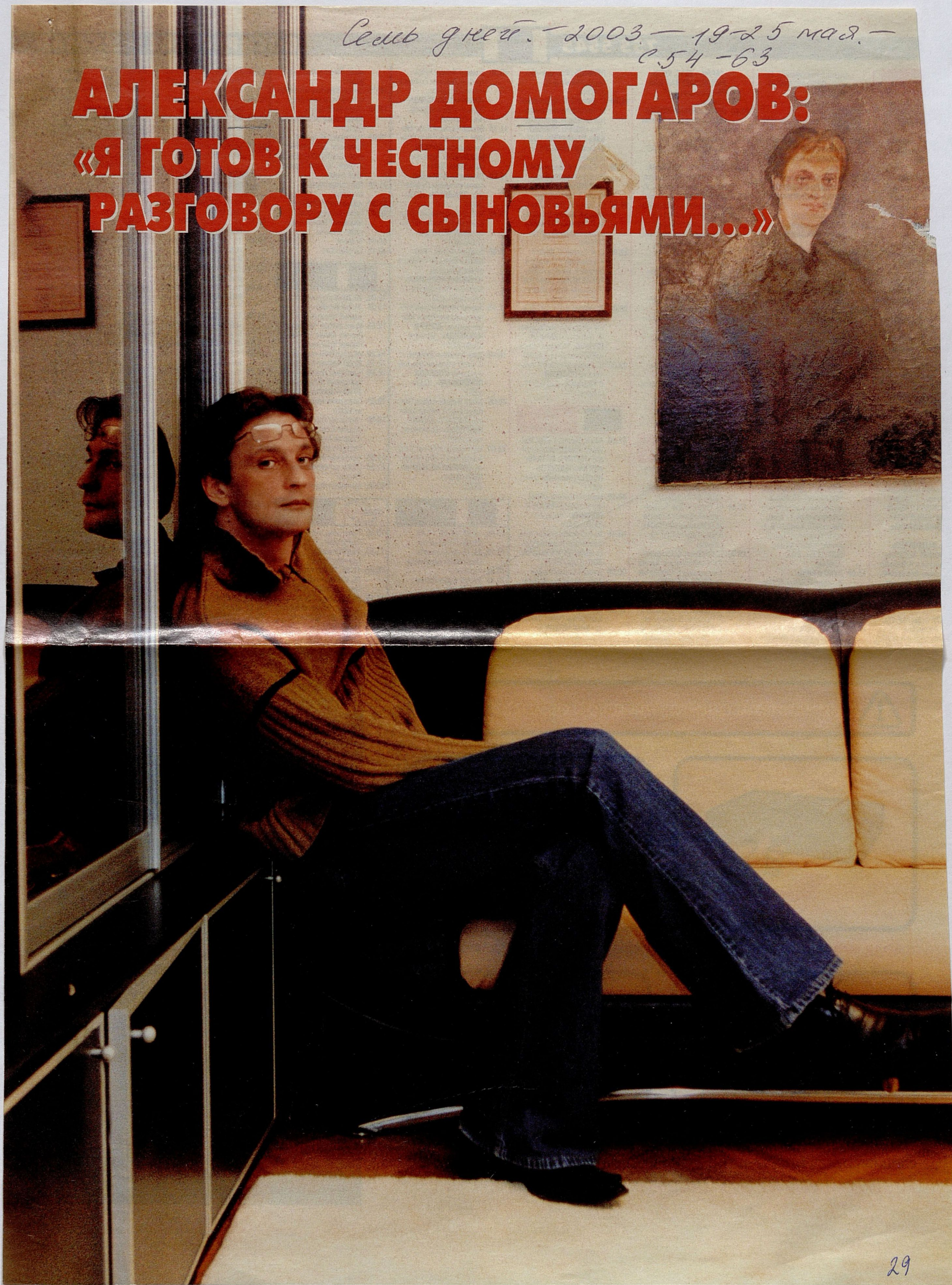

Семь дней. — 2003. — 19-25 мая. —
С. 54-63

АЛЕКСАНДР ДОМОГАРОВ: «Я ГОТОВ К ЧЕСТНОМУ РАЗГОВОРУ С СЫНОВЬЯМИ...»

Саша Домогаров с мамой
Натальей Петровной...

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

...и с братом Андреем.
1963 г.

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

— Очень. Отец был сильный человек — мощный, крепкий, одним словом, правильный мужик. Говорил медленно, но так весомо, что с ним спорить было бесполезно. Авторитет безусловный. До 1941 года он учился во ВГИКе. Отца его расстреляли, мать посадили, и он остался один. Сразу ушел на войну, дослужился до майора, был серьезно ранен в ногу, из-за этого хромотал... Работал он директором сначала Москонцерта, потом Росконцерта, а в 71-м году стал управляющим Союзаттракциона, организовал у нас первую выставку аттракционов. Тогда российский народ вообще впервые увидел, что существуют такие виды развлечений... А я — представляете? — в 7 лет уже носился по Парку имени Горького на итальянском детском мотоцикле. Потом Наталья Сац пригласила отца на должность директора еще не существующего театра. Он его достроил, поднял над зданием синюю птицу, и на этом его карьера закончилась. А очень скоро и жизнь. Мне тогда было 27 лет.

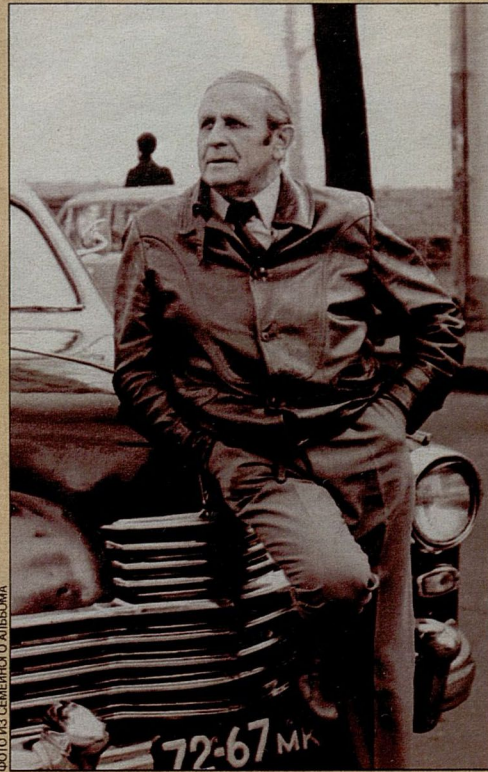

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Юрий Львович Домогаров

Глядя на Александра Домогарова, многие думают: «Везет же человеку! Красивый, известный, талантливый, режиссерами востребованный, вниманием публики избалованный, женщинами обласканный... Живет себе и радуется. Да и чего ему не радоваться при таких-то составляющих? Счастливчик!» И невдомек тем людям, что за этим фоном, за внешностью плейбоя скрывается ранимая душа тонко чувствующего, беспокойного, рефлексирующего человека. Да и не так все «шоколадно» в жизни Александра Юрьевича, как это может показаться на первый взгляд.

— Саша, ваш романтический облик, героические роли подразумевают, что вы не обделены любовью со стороны женщин.

— Ну, прежде всего я не чувствую, что меня все женщины так уж сильно любят. Может, некоторые жалеют? Но это же не любовь.

— А сами вы влюбчивый человек?

— Я податлив на это, так вот скажу... Но это не значит, что влюбляюсь прямо с ходу. Влюбленность я считаю одним из самых сильных и чистых чувств. Это потрясающее нервное состояние, по-моему, самое-самое что ни на есть серьезное. А вот что такое любовь — не знаю. Хоть и чувствую, но дать конкретную формулировку этому понятию не могу. Возможно, есть люди, которые способны точно оценить это чувство, но, на мой взгляд, невозможно понять — существует вообще любовь или нет, а если существует — то где она начинается и где заканчивается. Хотя, конечно, есть другая, понятная любовь — к родителям, например, к детям.

— Родители оказали на вас большое влияние?

Александр накануне окончания школы. 1979 г.

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

А мама работала в универмаге. Но нам с братом от этого «золотого» места ничего не доставалось. Дубленок у нас не было, обуви импортной — тоже. Да что говорить, первые джинсы я получил в подарок от родителей, только когда уже учился на третьем курсе института. Мама была крайне щепетильна в этом вопросе... К несчастью, теперь и мамы уже нет в живых, в прошлом году ее не стало. Мама болела, мы с братом все понимали и были готовы к самому плохому. Но ЭТО происходит всегда неожиданно и очень болезненно. Я тогда был на гастролях, срочно вылетел и... на три часа успел застать маму живую... Потом в мой обиход вошло слово «сирота». Несмотря на то, что есть старший брат — у нас с ним разница 10 лет, ко мне пришло ощущение того, что без папы и без мамы я остался один. Как ни парадоксально, на похоронах отца я плакал, а у матери — нет. Ни слезинки не упало. Только в момент сообщения заплакал, а потом — нет, что-то не вклю-

Совершенное Искусство эстетической медицины

Эпиляция: лазерная, ультразвуковая. **Фотоэпиляция** (Quantum).
Эндермология. Лечение целлюлита (LPG). Вакуумный массаж.
Ультразвуковое увлажнение и чистка лица. Лазерная шлифовка морщин.
Глубокая подтяжка с многолетним эффектом (SMAS) лица и шеи.
Пластика век традиционная и трансконъюнктивальная.
Увеличение молочных желез имплантами естественной формы фирмы McGhan.
Пластика молочных желез (уменьшение, подтяжка), наблюдение маммолога.
Коррекция лопухости. Липосакция. Пластика живота.
Эндоскопические методы пластической хирургии. Контурная пластика гелями.
Отличные специалисты. Любовь и забота. Чашечка кофе.
New! Фотоомоложение. Мезотерапия. Химические пилинги.
Сеанс фотоомоложения за \$270 до 1 июня 2003 г.

Эстетическая клиника лазерной медицины «Сан Лазар»
Москва, ст. м. «Фрунзенская», ул. Ефремова, 12-А телефоны: (095) 232-3901, 956-6747 www.interlaz.ru

чалось там, внутри. Но спустя какое-то время наступило страшное осознание того, что второй человек, который во всех ситуациях был на твоей стороне, к которому всегда можно было прижаться и помолчать, ушел навсегда...

— Брат в какой-то степени заменил родителей?

— Да, Андрей, как старший, взял на себя главенство в семье и как-то действительно по-мужски эту ситуацию перенес. Взвалил на себя то, что я бы

не смог взять... Наши с ним отношения — это больше, чем дружба, больше, чем родственность. Это какие-то особые флюиды, полное взаимопонимание, какое-то пространственное ощущение друг друга.

— Между вами всегда был такой контакт?

— Нет, это с годами произошло. Был период, когда мы почти не общались. Он женился, ушел из дома, а я остался с родителями. Но постепенно все

«Саша для меня в этой жизни — все. Не дай Бог кто-то хоть мизинцем шевельнет в его сторону — я глотку перегрызу»

«С Ирой мы разошлись, но из души я ее не выкину. Она как была, так и останется одним из самых близких мне людей»

С Ириной и сыном Сашей

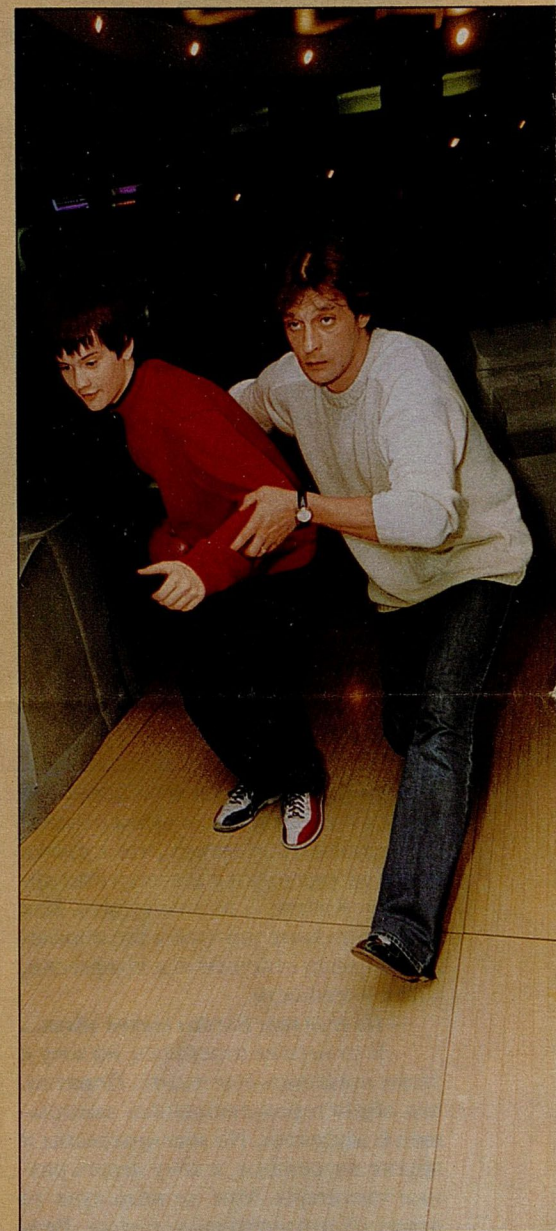

«Я очень хотел соединить Сашу, Иру, Наташу, чтобы все общались вместе. К счастью, в результате так и получилось»

кань, а взяли в команду Театра Советской Армии. После службы я так и остался в этом театре и проработал в нем 11 лет... Потом пришел в Театр имени Моссовета.

— А затем вы снялись в «Графине де Монсоро» и к вам пришла бешеная популярность. Со всех сторон заговорили о новом романтическом герое, фамилия Домогаров стала синонимом слов «плейбой», «секс-символ», «роковой мужчина»... Не возгордились?

сложилось... Хотя мы остались очень разными. Он более прагматичен, более материален. Придет ко мне, тут же заметит: «У тебя кран течет, не видишь?» Где?! Ёлки-палки, правда течет! Я бы не увидел... Но это не потому, что не приспособлен к жизни — я же могу и починить что-то, и гвоздь забить, но не скрупулезный я, как Андрюха. А он — цельный, в нем есть такое хозяйственно-мужское качество. Он мужик во всем: в хозяйстве, в увлечениях, в семье. И в юности Андрей был таким.

А я в старших классах был... ну, нехорошо так говорить: оторви и выбрось, но что-то вроде этого. Ходил хипповал с длинными волосами, в брюках клеш, с местной шпаной общался, курить начал с 8-го класса, в 9-м уже курил практически всерьез (сигареты, разумеется)... И еще у меня была мания — мотоциклы. В 8-м клас-

се купил мотороллер за сто рублей, а в 10-м — мотоцикл «Ява». Я «достал» папу, и он втихоря от матери дал мне 350 рублей на покупку, хотя и назвал меня самоубийцей. Счастье я испытал неземное, это же было очень круто по тем временам! Гонял как сумасшедший. Мама нервничала, говорила, что я костей не соберу, даже ключи от мотоцикла забирала и прятала — не знала, что он запросто палочкой заводился.

— А когда выяснилось, что вы собрались в артисты пойти?

— После 10-го класса нужно было куда-то поступать, а я — ни бум-бум. Вот здесь решил себя проявить Андрей. Он — чистой воды технарь. Окончил МАДИ, сейчас там же преподает — декан кафедры гидропривода, кандидат наук... Брат тогда сказал: «Раз он ничего не умеет, будет ходить ко мне в МАДИ на курсы и поступать туда же».

А мне — что в МАДИ, что в МАИ — все равно темный лес. Он думал, что я начну заниматься, но я был на курсах ровно два раза... В общем, МАДИ отпал. Тогда отец так скептически говорит: «Ну надо же что-то делать. Давай попробуй хоть театральный какой-нибудь, внешность вроде позволяет. Но только валяй сам». Я поехал в «Щуку», потусовался, понял, что надо почитать что-то, нашел в журнале какой-то бред сумасшедшего, выучил. Мне посоветовали изменить программу и даже назвали авторов. Я набрал в библиотеке всей этой литературы... И, как ни странно, с новым репертуаром был принят в Щепкинское училище, по окончании которого я попал в Малый театр... Вскоре в меня очень сильно вцепились в военкомате. Благодаря содействию руководства театра и хлопотам отца меня не отправили в Тмутара-

AQUA MARIS

Аква Марис:

- смывает аллергены со слизистой носа;
- позволяет Вам значительно снизить дозу гормонального спрея;
- устраняет вредное воздействие противоаллергических препаратов на слизистую носа;
- поддерживает физиологическое состояние слизистой носа.

Новый подход в лечении аллергических ринитов!

«Ядран» Хорватия
Российское представительство
e-mail: jadran@jgl.ru
Тел. (095) 970-1882, (095) 970-1883

Золотая медаль Международной выставки
INPEX XV — PITTSBURG, USA, 1999
СПРАШИВАЙТЕ В АПТЕКАХ ВАШЕГО ГОРОДА!

Рег. № П. № 01383101-2002

— Когда я слышу в свой адрес эти слова, меня буквально винтом начинает закручивать. Надеюсь, что к своим почти сорока годам я все-таки стал артистом. Каким — не мне судить. Как хотите назовите, но чтобы это определение имело отношение к профессии, а не к внешности.

— Но если вам Бог дал такой облик...

— Я от него не отрекаюсь, но хочу к этому прибавить еще что-то. Понятно, что образ героя-любовника выигрывает и эффектен. Но мне интересны и другие персонажи, я хочу играть разные характеры. Мне же надо куда-то девать то, что внутри накопилось. Ведь у меня есть и страсть, и отрицательные эмоции, и негатив определенный. Я «жрать» хочу работу, понимаете? Я — трудоголик. Слава Богу, что со временем у меня стали появляться другие роли. Ежи Гофман в фильме «Огнем и мечом» пошел на то, чтобы сделать моего героя, «кровавого человека» Бахума, некрасивым, со свалывшимися волосами, с измазанным грязью лицом. И я был счастлив, снимаясь в этой картине. Когда главный режиссер театра Павел Осипович Хомский предложил мне играть Сирано де Бержерака — я готов был прыгать от радости. Вы не представляете, как много я переосмыслил, репетируя эту роль. И еще очень серьезный отпечаток на мои размышления о жизни наложила рабо-

та над образом Нижинского — с его полной обнаженностью души, с его страданием. Я чрезвычайно болезненно воспринял все, что узнал о судьбе этого человека, и понял, что у меня внутри нет ответа на вопрос, правильно ли я живу.

— Главная роль в мюзикле по Стивенсону «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», которую вы сейчас репетируете в своем театре, наверняка тоже поставит перед вами множество философских вопросов?

— Да, это очень любопытная работа. Лет шесть назад этот мюзикл шел на Бродвее, а в Театре имени Моссовета сейчас создается наша версия в постановке Хомского. Здесь нет таких условий, как в других мюзиклах, когда по контракту ты обязан выполнять все только так, как в первоначальном варианте. У нас — полная свобода. И что для меня особенно интересно — тут очень тяжелый и очень сильный музыкальный ряд. Буду пробовать петь. Сама по себе вещь интересная, этакое философское эссе на тему: что есть добро и что есть зло? И чего все-таки больше в жизни? И что мы скрываем в себе? И кто мы вообще?

— А возможно ли решать такие вопросы посредством мюзикла?

— Как говорится, американцам — американское, а русским — русское. Мы же по верхам не можем, нам надо вглубь покопать. Мы должны понять, что такое хорошо и что такое плохо. В этом-то весь смысл. А тут материал располагает. Раздвоение героя. Дже-

кил — хороший человек — выпускает наружу зло, которое в нем давно сидит. В результате обратно запихнуть не может. По Стивенсону получается, что основополагающее в человеке — зло. Изначально заложенное или приобретенное с годами — не важно. Джекил пытается подавить его, но его второе «я» оказывается настолько сильным, что справиться с ним он уже не может.

— Ваша точка зрения совпадает с мнением Стивенсона?

— Она еще не созрела.

— А в вас чего больше?

— Сложно ответить. Я разный... Часто думаю: «Вот человек — плохой по сути своей. А почему он такой? Что с ним нужно было сделать, чтобы он так себя вел?» То же и о себе могу сказать. Что надо сделать с Домогаровым, чтобы он так себя повел? Вот я нормальный, меня не трогают, и я не трогаю. И вдруг из меня начинает лезть все дурное. И сразу все говорят: «Ну почему ты — такой хороший, добрый — так себя ведешь?» Да потому что процесс накопления происходит. Ты раз стерпишь, другой простишь, даешь людям понять: «Ребята, не надо палочку перегибать». А люди продолжают гнуть... Наконец и я могу ответить.

— Ударить можете?

— Сразу нет, подожду, когда мне нанесут удар. Но я не имею в виду — ударить физически, кулаками я отмахался в далеком детстве.

— Саша, пересуды могут «достать» даже самого скрытного человека. Что-

бы перестали наконец люди додумывать вашу жизнь за вас, давайте все-таки расставим все точки над «i». Вы действительно женаты на своей коллеге по театру актрисе Наталье Громушкиной, которая еще известна как солистка мюзикла «Чикаго»?

Александр, заваривая кофе (мы беседуем в квартире Домогарова): «Громушкина, иди сюда, к нам, будем рассказывать все как на духу!» Наташа присаживается за кухонный стол...

Александр: Да, мы поженились года два назад, а познакомились аж в 1996 году, когда у нас в театре снимали телефильм «Кто во что горазд». Среди чле-

нов нашей команды должна была быть некая гражданка Громушкина — молодая актриса, которую я еще не видел. Она опаздывала, я злился. Вообще до сих пор понять не могу, зачем я тогда поперся на эти съемки? Вдруг она появилась — вся в коже, с длинными волосами. Не заметить невозможно. Ну, снялись мы и разошлись... А потом был поезд Москва — Санкт-Петербург.

Наташа: Ничего подобного, мы же работали вместе над спектаклем «Бегущие странники» — я там не играла, но помогала актерам выстраивать пластические сцены, потом мы репетировали «Милого друга»...

Александр: Не важно. Важно, что перелом в наших взаимоотношениях произошел в поезде — театр тогда ехал на гастроли как раз с «Милым другом». Мы с Громушкиной до пяти утра простояли в тамбуре, курили.

Наташа: Он был немногословен. Просто вдруг сказал: «Выходи за меня замуж». Собственно, разговор наш и начался с этой фразы — без прелюдий. Потом было сказано так: «Ты, конечно, подумай, но даже если сейчас скажешь «нет», знай — я всегда буду сзади». Я была шокирована столь прямой линией предложением. Ну что я могла ответить так, с ходу?

Александр: Ага, что-то промямлила, да так толком ничего и не сказала... Так мы стояли до утра и молчали.

— Такие предложения обычно долго обдумываются...

Александр: С моей стороны оно вырвалось скорее всего импульсивно. Конечно, я к Наташе приглядывался, она мне нравилась, но внутренне я не готовился к такому разговору. Наверное, все совпало: стечение обстоятельств, ощущений... Или звезды так встали? А Наталья потом рассказывала, что она дико не хотела ехать в Питер.

Наташа: У меня было четкое предчувствие, что мне нельзя садиться в

этот поезд. Категорически. Я мучилась от очень плохого настроения и не могла объяснить, чем оно вызвано. Слово интуитивно чувствовала: что-то должно произойти.

— Для вас этот разговор был совсем как гром среди ясного неба или все-таки предыдущее общение с Домогаровым уже подготовило какую-то почву для такого предложения?

— Для такого — нет. И конечно же я не была готова к тому, чтобы в одночасье в корне изменить свою жизнь. Решила, что мне нужно время, чтобы разобраться в себе.

— А вы, Саша?

— Я тоже мучительно пытался разобраться в своих ощущениях, хотя отчетливо осознавал, что человек, стоявший тогда напротив меня в тамбуре, — это мой человек, с которым мне может быть хорошо. Для себя я уже принял твердое решение убедить Наташу стать моей женой. Официально я был тогда женат. Мы с Ирой не состояли в разводе, но вместе не жили, что-то в наших отношениях разладилось. Я жил у своей мамы, Ира — у своей, на другом конце города.

— Когда же ваши отношения с Наташей вступили в стадию близки?

Наташа: Около года мы встречались довольно редко. Наши встречи и свиданиями-то назвать сложно.

Александр: Нет, ну что-то романтическое все-таки было. Мы гуляли, в каком-то летнем кафе в дождь сидели под зонтиками часа четыре...

Наташа: И не более того. Но между нами не было такой банальщины, как... Знаете, когда мужчина ухаживает, а женщина, жеманясь, говорит: «Ой, не надо, ну что вы!» Мы не старались друг перед другом показаться лучше, чем есть. Я не смогу объяснить, почему, но мне изначально было понятно: все, что между нами происходит, — всерьез. Но все как-то странно происходило. Почти год мы не были близки...

Александр: А через какое-то время стали жить вместе. В тот период на меня навалился целый ком всяких поездов, спектаклей, съемок, началась ра-

бота в Польше: фильм Гофмана, репетиции «Макбета» в краковском театре на польском языке, уроки польского... Наташка взялась вести мои дела, ездила со мной — она очень сильный организатор.

— И как на все это реагировали коллеги?

— В театре ни у кого не возникало никаких вопросов. Все и так было понятно: на гастроли они едут вместе, живут вместе, телефон общий. При всем при этом мы не оформляли отношений, я официально развелся только три года назад.

— А Ирине вы говорили о своей близости с Наташей?

— Нет, не говорил. К тому времени прежние отношения с Ирой уже изменились. Мы общались, но обсуждали не все темы... Больше всего я волновался за сына, долго оттягивал момент знакомства Саши с Наташей. Тогда сын воспринял бы это как трагедию. Я очень хотел соединить всех, чтобы все общались вместе — к счастью, в результате так и получилось. Полгода назад все как-то само по себе произошло, очень спокойно.

— Благодаря чей мудрости?

— И Наташиной, и Ириной, и, безусловно, Сашиной. По отношению к себе слово «мудрость» я точно применить не риску. Наконец-то сейчас между всеми совершенно нормальные отношения. И это не внешнее, не наносное. Да, жизнь нас с Ирой развела — мы разошлись, прожив вместе 10 лет. Но из души я ее не выкину. Она для меня как была, так и останется одним из самых близких людей. Слишком много прожито нами вместе — и плохого, и хорошего, и очень плохого, и очень хорошего. Мы остались честны и открытены друг с другом, у нас нет запретных тем. А это дорогого стоит... Сашка с Наташей теперь прекрасно ладят, когда мы вместе гуляем — дурчатся на пару, черт знает что вытворяют, а мы с Ирой — как мы говорим, две «пенсии» — за всем этим наблюдаем. Я на сто процентов убежден, что Саша верит в Наташино искреннее к нему отношение.

— *Наташа, вам сложно было наладить отношения с сыном Александра?*

— Да нет, все произошло как-то очень естественно, и я к Сашкиному сыну действительно отношусь замечательно. Много лет я говорила о том, что нам всем надо общаться. Но Саша был прав, когда уверял меня, что нужно выждать время. А сейчас все сложилось очень правильно. Тут, наверное, главное то, что мы с Ирой, не сговариваясь, объединились во благо двух Саш — старшего и младшего.

Александр: Вона как ты повернула. То есть вы сами, без нашего участия?

Наташа: Ну, без вас нам вряд ли пришлось бы это делать.

— *Саша, а почему после стольких лет совместной жизни вы с Наташей все-таки решили пожениться?*

— Опять же все произошло как-то спонтанно. Мы должны были ехать в Америку, и если бы наши отношения не были официально оформлены — пришлось бы делать отдельное приглашение. В общем, волокита. Поэтому, когда у нас выдался свободный день...

Наташа: Примерно так это выглядело. Саша, позавтракав: «Где тут у нас ближайший загс? Давай-ка сходим».

Александр: Поискали по карте, нашли какой-то на Тверской-Ямской и поехали. Заходим, меня немедленно узнают, начинают охи-ахи... Мы говорим: «Девчонки, а можно мы тут у вас быстренько распишемся? Очень надо». Они начали: «Но вы же должны подумать, вдруг передумаете». «Нет, — говорю, — уже не передумаем». «Ну ладно, приходите в субботу». Приходим. Прилично оделись, зашли с черного входа, рыпнулись в зал, туча народу обернулась: «О-о-о-!»

Наташа: По-моему, люди забыли, зачем они сами-то пришли.

Александр: Мы попросили девушку: «Как только будет возможность, проведите нас, пожалуйста». Через несколько минут она дверь приоткрыла, и мы — вж-ж-жик — туда. Ну, там как положено: «Жених согласен? Невеста согласна? Распишитесь. Объявляю вас мужем и женой!» После чего мы быстро смылись.

Наташа: Кольца мы купили утром в этот же день. У нас все было бегом, га-лопом. Мы и по жизни передвигаемся так — нон-стопом. И из загса тут же разбежались на какие-то спектакли, репетиции, съемки.

Александр: Вечером дома я спросил: «Ну и как ты себя ощущаешь в новом качестве жены?» Наташа сказала: «Я не знаю, должна еще привыкнуть».

Наташа: На самом деле кольца и официальный штамп для нас ничего не изменили. Более того, мы решили никому об этом не говорить, и долгое время никто не догадывался о таком «важном» событии.

— *А зачем надо было скрывать?*

Александр: Просто нам хотелось устроить настоящий праздник для близких и друзей. Мы рассуждали так: «Сейчас мы это делаем потому, что так надо, а вот потом все будет по-настоящему. Может, и венчание в церкви будет — такой праздник праздников...»

— *Так это все еще впереди?*

Наташа: Ну да, только хочется не так, как у нас все — на бегу; не опаздывая на поезд, а с чувством, с толком, с расстановкой...

— *Наташа, легко ли вам жить с вашим мужем?*

— Сложно.

Александр: Всегда тебе говорил, что я не подарок. Вообще-то я человек миролюбивый. Но могу быть очень агрессивным, иногда и несправедливым бываю. Подчас из-за какой-то мелочи начинается вулкан. Знаю, что это неправильно, все понимаю. Но у меня темперамент такой взрывной. Зато отхожу быстро.

Наташа: Когда у Саши хорошее настроение — все архизамечательно. Но вдруг появляется тучка, за ней — вторая, третья, дождик начинает накрапывать, и наконец град та-а-кой — с куриное яйцо...

— *И как быть в этой ситуации?*

Наташа: Прятаться, больше никак. Прикинуться ветошью и забиться в угол. Сашка все воспринимает очень серьезно, более чем нужно, такой самод. В результате сам себя загоняет в депрессию...

Александр: Мне необходим человек, которому я мог бы рассказать обо всем, что у меня на душе, иметь рядом плечо, чтобы на него можно было опереться. Иначе я становлюсь неустойчивым. Но при этом хочу оставаться ранимым, воспринимать все оголенно... Конечно, так жить больно, но как только успокаиваешься — все, хана.

— *Трудно в такой ситуации, как ваша, найти в себе силы все преодолеть и сохранить добрые отношения между двумя семьями.*

Александр: Это самый тяжелый путь, но он самый правильный. В нашем случае надо отдать должное обоим женщинам. Если бы кто-нибудь из них «засбоил» — все бы пропало.

Наташа: Как ни странно, я не стала бы разделять нас на две семьи. Хотя со стороны это может показаться полным бредом. Кстати, подобная ситуация была и у родителей Александра...

Александр: Можно сказать, история повторилась. Мама была младше отца на 12 лет — точно такая же разница и у нас с Наташей. Да и по темпераменту я — в отца. Только по сравнению с тем, когда папа «пылил», я в плохом настроении — цветочек, белый и пушистый. Если отец разворачивался во всю свою мощь в гнев — вся округа рассредотачивалась по щелям. Боже, какой ужас я испытывал, когда этот огромный человек зычным голосом грозно командовал мне: «Маленький! (Он меня так называл.) Сюда!!! Со мной, в машину!!! Я — к Кузюриной!!!» Тетя Лиля Кузюркина, первая жена моего отца, была замужем за замечательным советским писателем Александром Андреевым, для меня — дядей Сашей. Она была мне второй мамой. Отец меня туда часто забирал — они там с дядей Сашей целый день о чем-то разговаривали, а я общался с тетей Лилей... К вечеру папа говорил: «Поехали, пора домой!» Все уже было в порядке — ярость улеглась, пар был выпущен, все расслабилось, все стало спокойно... Мы часто приезжали к ним, дни рождения всегда все вместе праздновали. Вот такая семья. Мне хочется, чтобы в нашей семье отношения развивались в этом же русле.

— *У вас есть еще дети?*

— Да, старший сын — Дима Домогаров, он сейчас в институте первый курс оканчивает.

— *Вы с ним общаетесь?*

— К сожалению, нет... Знаете, некоторые так называемые журналисты несут отсебятину и, пытаясь влезть в чужую жизнь, пишут всякую ересь. Чудовищно, что женщинам, с которыми меня связала жизнь, и детям, которые носят мою фамилию, приходится страдать из-за гадких измышлений «желтой» прессы...

Когда мы расходились с мамой Димы, лет мне было немногим больше, чем ему сейчас. В общем, совсем еще молодой был... Не нашлось в тот момент людей, которые подсказали бы мне верное решение проблемы, помогли бы во всем разобраться. А мне не хватило ума и такта остаться с Димой матерью в добрых отношениях. Но надеюсь, что время все расставит на свои места...

— *Все понятно, жаль только, что в таких ситуациях невольно оказываются затронуты дети. Ведь мальчик-то ни в чем не виноват.*

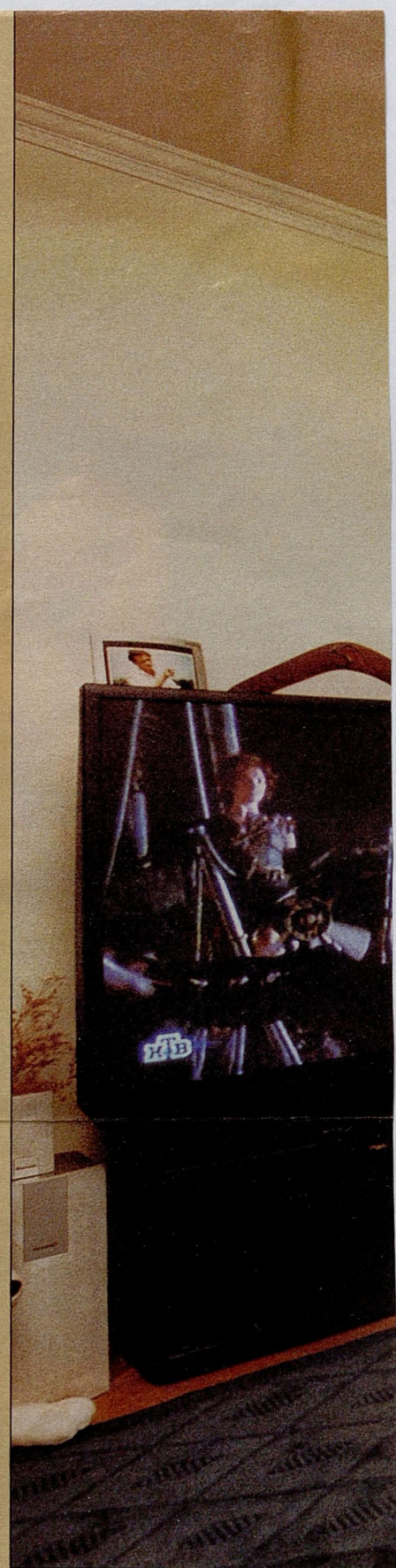
— Дима действительно ни в чем не виноват. Но он уже не мальчик. Если захочет, мы встретимся и поговорим — мои телефоны все там известны. Мне есть что сказать ему.

— *А Саше? Ведь он может задать вам такой простой прямой вопрос: «Родители, почему вы не смогли жить вместе?»*

— Может. Если со временем он меня спросит об этом, я готов к этому разговору. Расскажу ему все как есть и не буду искать полутональных объяснений... В жизни все очень непросто. Я знаю одно: семья — это моя боль, моя радость. Со временем ко мне пришло понимание очень важных человеческих ценностей. Жизнь так повернулась, что с Димой — хотя он и моя кровь — мы, к сожалению, пока не общаемся... А за Сашку — не дай Бог кто-то хоть мизинцем шевельнет в его сторону — я глотку перегрызу.

Татьяна ЗАЙЦЕВА

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

«Я не знаю, чего во мне
больше — зла или добра.
Я — разный. Первым
не ударю никогда, но если
мне нанесут удар — отвечу.
Я не имею в виду —
ударить физически,
кулаками я отмахался
в далеком детстве»